

Маркс грубой очистки

Фредрик Джеймисон

CHRISTOPH HENNING.
Philosophie nach Marx: 100 Jahre Marxrezeption und die normative Sozialphilosophie der Gegenwart in der Kritik.
Bielefeld: Transcript,
2005. 660 p.¹

FREDRIC JAMESON. Sandblasting Marx. *New Left Review*. No. 55. January-February 2009. P. 134–142. Сокращенный перевод с английского АЛЕКСЕЯ АППОЛОНОВА.

¹ Кристоф Хеннинг. *Философия после Маркса: критический взгляд на 100 лет рецепции Маркса и современную нормативную социальную философию.*

Возрождение Маркса идет, как кажется, полным ходом, опережая нынешнюю растерянность на Уолл Стрит, даже если пока и не предлагается каких-то ясных политических альтернатив. Благоразумные соглашатели приветствовали любые признаки сочувственного отношения к марксистской позиции, не желая отпугнуть новообращенных (или возвращающихся попутчиков). Серьезных идеологических вопросов (анархизм, партия, экономическое планирование, социальные классы) пока стараются избегать, поскольку слишком многим они напоминают о коммунистической пропаганде. Такое напоминание нежелательно вовсе не потому, что сопровождается воспоминаниями о насилии и убийствах (в эпоху постмодерна память у людей весьма слабая), а только по той простой причине, что ныне эти темы выглядят скучными.

В таком случае, на первый взгляд, кажется неприемлемым приветствовать книгу, которая — отчасти в старой альтюссеровской манере — безжалостно вскрывает идеалистические уклоны и доктринальные ошибки, дурные идеологические заимствования и неверные истолкования в текстах мыслителей, которые, по мнению многих, имеют марксистскую родословную или считаются важными для молодых марксистов. Книга Кристофа Хеннинга «Философия после Маркса» представляет собой всеобъемлющий, шестистраничный обвинительный акт, вынесенный по отношению ко всем (от Каутского до современных левых либералов из числа последователей Хабермаса и Ролза), и заслуживает того, чтобы ответить на все ее бесчисленные провокации.

Читателя надо предупредить, что термин «теория», который ныне — по крайней мере, на Западе — употребляют, как правило, для обозначения постструктурализма или гегельянства Франкфуртской школы, рассуждая при этом о ее исчерпанности и кончине или критикуя за губительную элитарную абстрактность, используется здесь в несколько ином смысле: для обозначения работы Маркса как таковой, чьим объектом, согласно Хеннингу, является *bürgerliche Gesellschaft*, под которым следует понимать не «гражданское общество» (этого дряхлого боевого коня, которого продолжают седлать левые либералы и радикальные демократы), но, скорее, капитализм как та-

ковой, система, рассматриваемая скорее во всей ее тотальности, нежели в чисто политической или философской (и даже сугубо экономической) перспективе. Внимание Хеннинга, впрочем, остается сконцентрированным на самой работе Маркса, «содержание и характер которой нечасто воспринимались в адекватном ключе как его врагами, так и его защитниками». Такая перспектива может по случаю напомнить нам о печальной исповеди Хоркхаймера: «Я подтверждаю свою приверженность критической теории, а это значит, что я могу сказать, что ложно, но не могу определить, что правильно».

Хотя его обзор носит строго хронологический характер, Хеннинг избегает чисто исторического подхода, организуя материал вокруг девяти «*Kernpunkte*», или «ключевых пунктов». Указанный подход хорош, но прежде чем мы обрисует его в общих чертах, следует уста-

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЫЛ ИССУШЕН И ЛИШЕН ЖИЗНЕННЫХ СОКОВ ВСЛЕДСТВИЕ «ОНТОЛОГИЗАЦИИ», ВСЛЕДСТВИЕ ЕГО ПЕРЕНОСА И СУБЛИМАЦИИ В ЧИСТО ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУССИИ И ТЕМЫ

новить пределы исследования Хеннинга. Во-первых, социальная философия, обсуждаемая во второй части, является, помимо Ролза, исключительно немецкой. Это верно, конечно, что единственная иностранная интеллектуальная сцена, о действующих лицах и структуре которой англоязычные интеллектуалы имеют, как правило, сносное представление, — французская. Богатство итальянской или немецкой интеллектуальной жизни является для них преимущественно закрытой книгой (за исключением, понятно, хорошо известных звезд, которые работают с этой провинциальной мыслью, соотнося ее посредством сносок и примечаний со ставшей господствующей англоязычной социологией или философией). Поэтому подкованный в теории читатель остро ощутит отсутствие обсуждения Фуко и Деррида, Делеза и Бадью, Агамбена и Негри, Рорти и Гидденса.

С другой стороны, в частности, в области социологии, англоязычный читатель обнаружит отсылки к неизвестным ему авторам, например, к философу Рудольфу Ойкену (1846–1926) или Рене Кенигу, основателю кельнской школы социологии, чья критика социологического дискурса является для Хеннинга фундаментальной. Но он сможет без труда найти собственные аналоги, поскольку дискуссии везде аналогичны. В любом случае, в истории идей имена Каутского и Хабермаса, Хайдеггера и Хоркхаймера являются достаточно важными для того, чтобы привлечь внимание к их родным контекстам, сколь бы локальными таковые ни казались ограниченному англоязычному «Западу».

Обращение Хеннинга с понятием «социальная философия» также требует комментария. У него это понятие включает все — от от-

кровенно политических и экономических манифестов первых лет революционного или парламентского марксизма, через социологию Вебера и Лумана, вплоть до явной (или «чистой») философии у Хайдеггера и Адорно. Тем не менее, основной аргумент книги заключается в том, что социальный и политический анализ был иссушен и лишен жизненных соков вследствие «онтологизации», так сказать, вследствие его переноса и, прежде всего, сублимации в чисто философские дискуссии и темы. Так выглядит предложенный Хеннингом вариант распространенного и избитого упрека в «идеализме», который стал чем-то вроде ритуального оскорбления.

Теперь мы можем в общих чертах представить инструментарий «*Kernpunkte*», используя римскую нумерацию. Не является неожиданностью, что в эпоху возникновения и расцвета социал-демократии главные дебаты развернулись вокруг общественного воспроизводства (I) и снижения нормы прибыли (II). То, что обе эти темы все еще с нами в эпоху глобализации, должно быть очевидным, но может, впрочем, получить и документальное подтверждение на основании частоты и интенсивности употребления слова «кризис», во всех его значениях, во всех видах современного политического дискурса, в которых Маркс «подавляется» посредством натурализации экономических циклов, что «онтологизирует» их, если использовать терминологию Хеннинга (я бы, впрочем, сказал, что она сглаживает их, де-диалектизирует, обращая в не-диалектические «законы» или закономерности). В то же время понятие «снижение нормы прибыли» ведет к классическому отказу от Марксова различия между ценой и стоимостью и дает повод для того, чтобы навсегда отказаться от марксистской экономики. С большевизмом центр тяжести перемещается в политику как таковую, что означает, что третий ключевой пункт составляет теория империализма (III), включающая не только все то, что умещается между советской внешней политикой и теориями глобализации, но и рассуждения Ленина и Гильфердинга о финансовом капитале. Еще более выраженный акцент на политике у Ленина и Сталина «де-экономизирует и ре-идеологизирует» оригинальную проблематику Маркса.

Таким образом, оставленный профессиональным экономистам, Маркс готовится к своему погребению до- и постмарксистскими экономистами — от Смита до Кейнса и Фридмана: многие номинально марксистские экономисты тайно перенимают некоторые из их не-марксистских парадигм. Здесь ключевым пунктом (IV) является сама теория денег, возвращающая нас к первым страницам «Капитала»; в то же время сопутствующие не-марксистские тенденции в социологии — при всем различии тем, от Вебера до Лумана — преломляются в фундаментальном «стих» социальных классов (V).

После того как эти классические парадигмы и позиции изложены, читатель готов встретиться с более современными (по крайней мере, относящимися к XX в.) тенденциями развития, начинающимися с имени Мартина Хайдеггера. Вторая часть книги сопровождается новыми «*Kernpunkte*»: (VI) Гегель и Маркс, (VII) критика религии у Маркса, (VIII) Маркс и этика, (IX) Маркс и закон. Но они также организованы вспомогательным образом вокруг тезисов, предложенных Рене Кенигом, которые усиливают «антифилософский» подход Хеннинга к более современным текстам. Восемь тезисов Кенига могут быть сформулированы следующим образом: (i) социальная философия есть реакция отторжения, направленная против Маркса; (ii) как реакция, она остается тайно связанной с марксизмом; (iii) ее истоки находятся в гегельянской диалектике в негативном ее аспекте; (iv) она трансформирует идеалистическую философию тождества в экзистенциальную; (v) она замыкает исторические начала на модусы сущего и мышление, ориентированное на Бытие; (vi) она проблематизирует теорию *in toto*, порождая кризис в философии; (vii) в результате происходит утрата объективности и научности; и (viii) на их место приходит пустая «политика» идентичности и самоутверждения.

В этой саге упадка и разложения Хайдеггер занимает привилегированную позицию на основании той ключевой роли, которую он сыграл в ней благодаря, если пользоваться термином Хеннинга, «онтологизации», под которой он, насколько можно судить, понимает обращение проблемы или теории в философию.

Я всегда не слишком доверял единственной отсылке в самом конце «Бытия и времени» к «Истории и классовому сознанию», которая, как полагают, является свидетельством непосредственной связи Хайдеггера с вышедшей несколькими годами ранее работой Лукача. Довод, приводимый в пользу этого Люсьеном Гольдманом, всегда казался мне искусственным, попыткой, выдавая желаемое за действительное, по сути, отнестись Хайдеггера к марксистской традиции (надо сказать, однако, что для Хеннинга сам Лукач весьма неоднозначная фигура, постоянно готовая впасть в «философию», но в целом слишком проницательный марксист, чтобы сгинуть безвозвратно), хотя дискуссия, безусловно, возможна — не столько относительно левых национал-социалистических элементов у Хайдеггера, сколько о неясном понятии революции у него вообще. Но я не думаю, что *Seinsfrage* в его работах после «поворота» как-то особенно несомне-

Зорико Доржиев. Полнолуние, 2006

стим с марксизмом, который, как было доказано, совместим с огромным количеством других «философий», поскольку сам — и здесь я согласен с Хеннингом — философией не является.

Но в этом и заключается проблема с лозунгом Хеннинга, ибо онтология Хайдеггера до «поворота» была феноменологией «жизненного мира»; и если объект исследований Маркса толкуется как *bürgerliche Gesellschaft* в самом общем смысле, как динамика капитала на всех его уровнях, то марксизм должен включать такую феноменологию, в которую «прагматический» Хайдеггер внес, безусловно, фундаментальный вклад (если мы, конечно, отделим эту феноменологию от ее антропологических притязаний (протогерманских этимологий) и чрезмерно упрощенных оценок техники).

Лучше всего рассматривать процедуры Хеннинга в диалектическом ключе. Сам он часто описывает очищение диалектики Гегеля, проведенное Марксом (в духе Гегеля), как постоянное подчеркивание «различия и тождества двух областей бытия, единства противоположностей». Моделью здесь является не отражение или «базис и надстройка», но, скорее, метаболизм — явно более фундаментальная речевая фигура для самого Маркса. То, что Хеннинг будет, таким образом, оплакивать как отсутствие «теории», есть отсутствие всякого объяснения метаболического процесса происхождения одного феномена (скажем, ложной идеи) из другого (например, структуры товара).

Я лично прихожу к выводу, что если автономное философствование, равно как и иллюзия того, что критика ложной идеи может изменить структуру, ее порождающую, должны быть отвергнуты, то альтернативу лучше формулировать не в духе Хеннинга (меньше философствования и больше «теории»), но, скажем так, в следующем ключе: нужно больше философствования, но меньше немарксистского философствования и больше диалектики как таковой. Мы можем взять в качестве примера то, что было заклеено как введение дурного гегельянства в современную марксистскую мысль, а именно так называемую капиталогику и возрожденную «теорию стоимости», каковые можно обнаружить, соответственно, в первопродоческой книге

Хельмута Райхельта «К логической структуре понятия капитала у Карла Маркса» (1970) и в работах Ханса Георга Бакхауса «Диалектика формы стоимости» (1997) и Кристофера Артура «Новая диалектика и „Капитал“ Маркса» (2002), составляющих корпус сочинений, в которых предпринимается попытка показать, что Макс во втором издании «Капитала» значительно упростил свои собственные идеи и сделал, таким образом, менее доступным собственно диалектическую природу его понятия стоимости как количества рабочей силы и, потому, происхождение знаменитого товарного фетишизма. Здесь стоимость становится исторически уникальным феноменом, в котором единство-и-различие идеального и материального делается доступным взору только через призму диалектики.

И здесь возникает весьма любопытное следствие, а именно, что формирование стоимости может пониматься как «философски», так и «теоретически» (в смысле Хеннинга), или «диалектически» (в моем смысле). Как показал Стэнли Мур в несправедливо забытой книге «Три тактики: Задний план творчества Маркса» (1963), значительное число процессов, описанных в «Капитале», безусловно, являются проявлением, продолжением и расширением того процесса, который Маркс называет «отчуждением» в своих ранних произведениях. Марксисты-гегельянцы охотно соглашались с такой преемственностью, делая именно то, чего более всего опасался Альтюссер — выстраивая на этом основании экзистенциальную психологию, или даже философию, или метафизику (конечно, и Хайдеггер избирает понятие отчуждения для онтологического обсуждения в своем послевоенном «Письме о гуманизме»).

Но если пристрастие к онтологизации и философствованию должно быть как-то названо, я предложил бы назвать его «тематизацией». В тот момент, когда некто тематизирует такой-то феномен, начинается процесс автономизации, который обращает его в основополагающее понятие для нового и полуавтономного комплекса понятий — можете называть его философией, если угодно, или «картиной мира» (Хайдеггер), идеологией или мировоззрением. Эти новые тематизации очень часто становятся затем отправной точкой для *Kulturkritik*, так сказать, для полномасштабного диагноза того, что плохо с современным обществом, его культурой, его психологией, его субъективностью, его образом жизни. Чем называть эти дискурсы атакой на современность, ее критикой и т. п., как это часто бывает, лучше видеть в них некую специфическую дискурсивную форму или некий такой тип дискурса, который выдается за анализ современного общества (или общества Модерна), чтобы выглядеть как набор научных положений. Нечто подобное случается также с «капиталогиками», когда они абсолютизируют диагноз фетишизма и подчеркивают Марксов термин *Verdinglichung*, или «овеществление». Все эти элементы капитализма, когда они именуется таким образом, что обращаются в терминологию, могут дать повод для идеалистического гипостазирования в форме той или иной культурной критики; и именно против этого, как мне кажется, Хеннинг столь часто и столь справедливо протестует. Его труд обнажает обильные и многообразные пласты этих лингвистических патологий, дабы мы могли исследовать и «теоретизировать» их с марксистской позиции.

Однако нельзя полностью одобрить программу, которой завершается книга. Хеннинг выделяет четыре ба-

зовых элемента различных ложных прочтений (современных и прошлых) марксистской теории. Они таковы: 1) замена общества на природу в качестве главного объекта исследования Маркса; 2) ошибочное понимание того, в каком смысле Маркс использует термин «закон», говоря о законах капитализма; 3) перевод «теории» Маркса в философский дискурс; 4) истолкование более позднего натуралистического мировоззрения «сообразно герменевтике философии жизни» как выражения практики. Отождествление Хеннингом своего проекта с Кантом отражает его намерение представить свою работу как «критику», устанавливающую границы того, что может делать марксизм (равно как и приветствовать его безусловные достижения). Что же касается привлечения Витгенштейна, то оно предполагает очищение языка марксизма от ложных проблем и гипостазированных решений. Эта достойная задача имеет свое преимущество в том, что возвращает нас к экономическим основам, без которых Маркс не является марксистом. Но я не могу отделаться от ощущения, что этот проект оставляет за бортом слишком многое, например, политический анализ, касаясь которого, можно, конечно, утверждать, что «Капитал» имеет к политике весьма опосредованное отношение и не преподносит нам никаких политических уроков. Тем не менее Маркс (как и Ленин) был гениальным политическим стратегом (и тактиком); и не важно, что у него на разных этапах деятельности обнаруживаются различные, а иногда и прямо противоположные политические стратегии. «Капитал» — это книга о капитализме, а политика же имеет дело с путями достижения (и построения) социализма. Но это не значит, что наши суждения о «Капитале» аполитичны. Напротив, эти суждения, равно как и анализ самих неправильных прочтений Маркса (опущений, вытеснений, замещений и подмен), неизбежно являются политическими актами. ■

КРИСТОФ ХЕННИНГ — АССИСТЕНТ ОТДЕЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ УНИВЕРСИТЕТА САНКТ-ГАЛЛЕНА (ШВЕЙЦАРИЯ), СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИДЕЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

- Marxglossar. Berlin: Edition Freitag, 2006 (редактор)/Словарь Маркса
Deutsch-jüdische Wissenschaftsschicksale. Studien zur Identitätskonstruktion in der Sozialwissenschaft. Bielefeld: Transcript, 2006 (редактор, совместно с Амалией Барбоза)/Немецко-еврейские научные судьбы. Исследования конструирования идентичности в социальной науке.